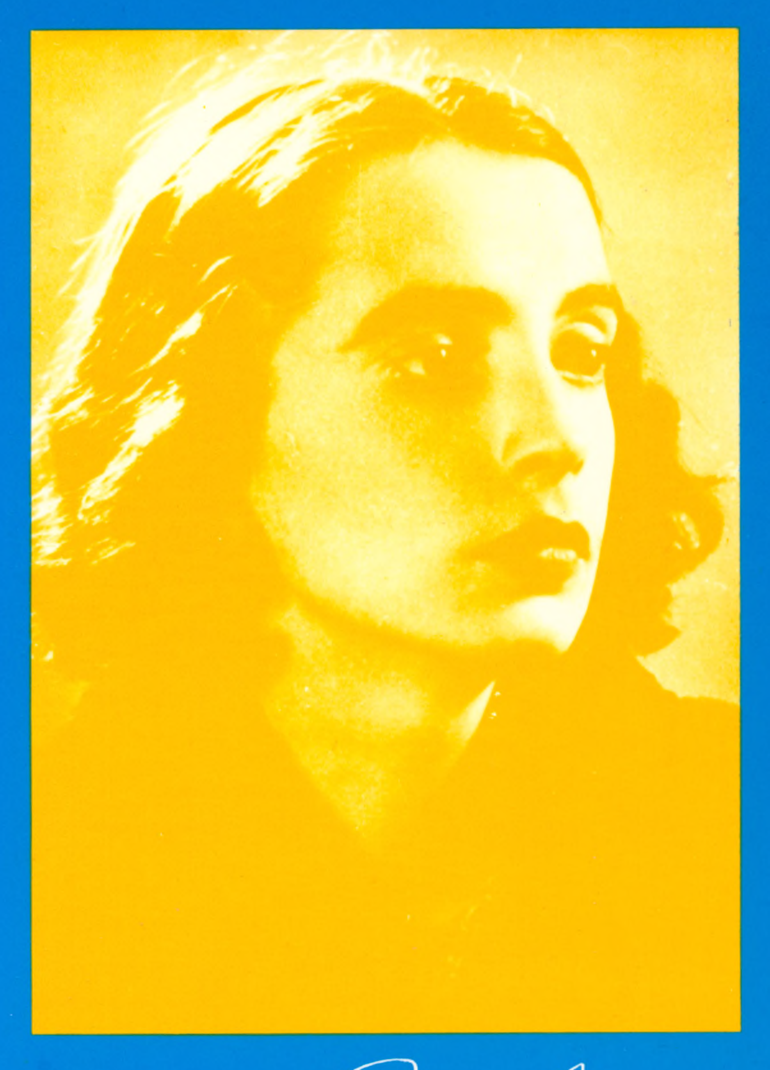

На обложке:

Фотопортрет Аллы Головиной (1936 г.)
работы Субботина

АЛЛА ГОЛОВИНА

ГОРОДСКОЙ АНГЕЛ

Избранные стихи

Составление и предисловие

Е. Эткинда

Брюссель
1989

О ПОЭЗИИ АЛЛЫ ГОЛОВИНОЙ

По стихам Аллы Головиной трудно восстановить век, современницей которого она была; события прошли, казалось бы, мимо нее. Ей, правда, не было и десяти лет, когда она в 1920 году оказалась в эмиграции — сначала в Чехословакии, потом во Франции и Бельгии. Дело, однако, не в отъезде на Запад, а в сосредоточенности на внутреннем мире. Уход во внутрь — характерная черта русской поэзии, создавшейся в изгнании; лучшие поэты (в особенности тридцатых годов) помнили о своей душе, стараясь пренебречь общественными событиями, повергавшими их чаще всего в недоумение, а то и в отчаяние.

Алла Головина—младшая сестра Анатолия Штейгера, поэта, которого высоко ценила М. Цветаева и который умер от туберкулеза в 1944 году, в возрасте 37 лет. Сама она прожила жизнь долгую, пережив брата на четыре десятилетия.

Наследие Головиной обширно; его составляют многочисленные стихотворения, несколько поэм, автобиографическая и беллетристическая проза. При ней успела появиться лишь одна небольшая стихотворная книжка—*«Лебединая карусель»* /1935/. Всё остальное до сих пор остаётся в рукописях. Жаль! Стихи Аллы Головиной были нужны в ту пору, когда она творила с особой интенсивностью: в тридцатые годы. Их прозрачная, чистая образность, их высокая духовность, соединённая с рассудительной сдержанностью противостояли доведённой до края интимности *«дневниковой лирики»*, сюрреалистической загадочности и темноте другой поэтической ветви, или, с другой стороны, политической крикливости вульгарных стихотворцев-газетчиков.

Поэтический мир Аллы Головиной своеобразен, — она строит его постепенно, год за годом, стихотворение за стихотворением. В этом мире, словно в готическом соборе, внизу, под ногами, прах и тлен; сто́ит, однако, поднять голову, чтобы увидеть слепящий свет, пронизывающий верхние ярусы. Внизу — материя, а чем выше — тем прозрачней и трепетней начало духовное. Внизу — мрак, наверху — солнечные лучи, уносящие воображение горе́. Реальности противостоит сон; земной преисподней — небесный рай. «В небесном сне, небесном, /Живём мы, как в раю,/ В кафе, как будто тесном,/ Вмещаем грусть свою/ По светлому, земному,/ Живущему в крови,/ По родине, по дому/ И по своей любви». Слово «грусть»— частое у Аллы Головиной; это воспоминание о России, о юности, об ушедшем и потому достойном сожаления. Нет, это не эмигрантская ностальгия, часто становившаяся у многих поэтов литературной позой /если не душевной болезнью/. Это, скорее, ностальгия души по другой душе, поэта по собеседнику, а в мире Аллы Головиной — человека, прикованного к земле, по крыльям ангела, способным унести его, человека, в небесные просторы. Стихотворение, начало которого я привёл, продолжается так: «И плечи затекают — / Зачем в раю летать? /И песен не вмещает /Измятая тетрадь.../». Теперь грусть уступает место тоске, и о ней сказано: «Тоска обратно плещет,/ И, к сердцу возвратясь,/ Бьёт молнией на вещи,/ На нашу боль и грязь». Вокруг некрасиво, тесно, темно, уныло, линялые стены: «Откуда ж райских песен/ Тишайший здесь полёт?.../ Откуда ж здесь дыханье/ Легчайшее твоё?»

Во всех стихотворениях Аллы Головиной веет это легчайшее дыхание. Они чужды внешней и потому неизбежно поверхностной религиозности, но их героиня постоянно ощущает на себе взгляд, устремлённый с неба. Она живёт в бесконечности пространства и в вечности — это ощущение позволяет расти за её плечами крыльям; переходя из суетной и су-

етливой социальной действительности в мир вечных ценностей, человек превращается в ангела или узнаёт их, ангелов, служащих посредниками между обществом и небесами, временем и вечностью, человеком и Богом. Но бывают и другие ангелы:

Прощай, прощай, не забывай её,
Она любить тебя уже не в силах.
Там ангелы летят, как вороньё,
И ждут её на каменных перилах,
И на ногах покачиваясь хилых,
Угодливо манят в небытие...

Таких ангелов — на хилых ногах, угодливых, подобных воронью — ещё в поэзии не бывало. Их создала Алла Головина. В них, казалось бы, уродливо всё, что от низкого мира, — но в то же время земная реальность с большой силой влечёт к себе человека, куда бы ни уносили его крылья божественной духовности. Впрочем, они прорастают всюду, — не только за плечами поэта или влюблённого; в стихотворении, посвящённом воспоминаниям детства, последняя строфа гласит:

Слёз не надо. Это только снится.
Жизнь спешит, и всё давно прошло.
Это ветер с моря мне к ресницам
Приложил солёное крыло.

Очень редки у Аллы Головиной прямые цитаты из действительности. Иногда они всё же встречаются и тогда пугают своей определённостью. Одно из стихотворений рассказывает о сумасшедшем доме, в котором «сумасшедшая русская Жанна д'Арк»; она слушает голоса и мечтает о дофине, — «И со скукою врач отвечает ей: /— Был расстрелян в Сибири дофин Алексей...» В другом стихотворении героиня попадает с Со-

ветский Союз: «В столице Москве, впервые/ Крещу эмигрантский лоб...» Таких просветов мало; почти всегда Алла Головина живёт во внутреннем пространстве, по которому её носят крылья поэтического воображения; часть этого «пространства души» — воспоминания о далёком детстве, иногда удивительно конкретные: «На мосту почти прогнили доски,/ И перила так легки, легки,/ Поправляй же локоны причёски,/ Становись, взлетая, на носки...» Это стихотворение кончается строчкой, выражающей двойственность поэта, который и стремится улететь в голубизну неба, и не хочет расставаться с грешной землёй:

Как недолго, чувствуя тревогу,
Голос мой срывался и дрожал,
Но никто не вышел на дорогу,
На земле меня не удержал.

/«Боже мой, печалиться не надо...» 1935-1938/

* * *

Талант Аллы Головиной сформировался в пражском *«Ските поэтов»*, которым руководил Альфред Людвигович Бем (1886-1945), — надо полагать, что влияние Бема было благотворным и значительным. Бем был крупнейшим знатоком и исследователем Достоевского, в то же время он, высланный из СССР в начале 20-х годов, хорошо знал советскую поэзию и внимательно следил за нею. Алла Головина, повидимому знала и то, что писалось на Западе, — в Берлине, Париже и Праге, — и советских поэтов-современников. Стихи её лишены прямой подражательности, однако они содержат следы увлечения прежде всего Блоком и Цветаевой, но также и Мандельштамом, и Есениным. Ближе всего она, впрочем, к акмеистам. Её отношение к слову отличается внимательностью ко всем его аспектам, — к смыслу, стилю, звуку, — однако прежде всего для неё важен отчётливо-предметный смысл; здесь она родственна

прежде всего Гумилёву. В одном из восьмистиший — это её любимая форма — преобладают эпитеты: «Открылся край седого неба,/ А веткам страшно в темноте./ Луна большим и жёлтым хлебом/ Лежит на синей высоте./ Мой путь домой такой тяжёлый,/ Нагие ветки бьют в лицо./ И страшно мне ногою голой/ Ступить на белое крыльцо». Эпитеты А. Головиной точны и потому выразительны, — это сближает её с Анной Ахматовой, высоко ценившей драгоценный эпитет. С Ахматовой же её роднит особый интерес к народным мотивам, внезапно рождающимся в недрах книжной поэзии и потому редкостно экспрессивными. Таково стихотворение 1936-1937 гг., которое начинается хореическими строками, содержащими редчайшую гипердактилическую рифму:

Не пила бы и не ела,
Всё б рассказывала,
Про любовь свою бы пела
И навязывала...

Потом размер меняется, мелодия перебивается и переходит в другую, менее повествовательную:

У тебя то перстенёк,
Семя маково,
Да меня тоска тревожит
Одинаково.

И снова крутой поворот к другому напеву:

У тебя то паренёк,
У меня то перстенёк.
Родишь мужу первенца —
Я ль тебе соперница?
Я ли, ведьмина душа,
Для любви нехороша?...

* * *

В последнее время русские издатели начали привыкать к открытиям: один за другим к ним приходят удивительные поэты, которых на многие десятилетия изгнали в небытие. Среди этих призраков окажется и тень Аллы Головиной. Непоколебимая вера в победу духа, изящество стиховой формы, классическая полнозвучность формул и, в особенности, концовок — всё это обеспечит ей почётное место в поэзии нашего века.

Е. Эткинд

* * *

В городские сады возвращаются птицы
И у кактуса сбоку — веселый бутон.
Ночью рифмы влетают сквозь черепицы,
Разбивают стекло и железобетон.

Млечный путь за окном и бушует, и пенит,
Он как с мыльной рекламы, но только живой.
Я иду через сон, а подушки-ступени,
Через поле постели с короткой травой.

Пусть волокна паркета прохладны и сыры —
Я уже задыхаюсь от высоты.
Потолок раскрывают четыре квартиры,
И на крыше железные тают листы.

Только ночью такой: городскою и вешней —
Можно видеть от радости и от тоски,
Что квартиры похожи совсем на скворешни,
А балконы качаются, как гамаки.

Стены — чудо из папиросной бумаги,
И шаги по карнизу легки и просты.
И у средних оконниц, где в праздники — флаги,
Через улицы облаком дышат мосты.

В эту ночь за плечами не чую бессилья:
Ходят люди и ангелы общим мостом, —
С непривычки сцепляю со встречными крылья,
Как на улице девочка первым зонтом.

Черный город в ночное безмолвье знакомей,
Отражающий все, как в заливе вода...
Посмотри: ведь на мною покинутом доме
У парадного номером служит звезда.

1930

В ЛЕСУ

Сосновой радостью и мощью
Еще весенний воздух нищ...
Дорога в лес ушла на ощупь,
Не задевая корневищ.
Но вытянув вперед ладони,
Опять иду на произвол,
И снова нежно пальцы тронет,
Уже чуть-чуть нагретый ствол.
Как в прошлый год — я за подачкой,
За новой рифмой, за живой,
Смотреть, как мертвых листьев пачки
Опять пришпорены травой.
Тут не видна уже дорога,
И я брожу, брожу с утра,
Чтоб серых бабочек потрогать,
Таких же серых, как кора.
А возвратившись, без усилья,
Без горечи и без забот
К бумаге приколоть не крылья,
А только первый их полет...

1930

* * *

В этом мире, где много печали,
Где тоска, как крыло за плечом,
Мы с тобою молчали, молчали
И не смели спросить ни о чем...
Мы ни с кем не делили тревоги,
Мы дрожащих не подняли век.
Как распятье, чернели дороги,
Разводящие счастье навек.
Только раз от безвыходной муки,
Как голодную легкую плеть,
Прямо к небу я подняла руки,
Чтоб над злыми годами взлететь.
И сквозь дымный и розовый вечер
Облака пролегали мостом,
Чтоб безвольные нежные плечи,
Я опять осенила крестом.
Чтоб сквозь сон примелькавшихся будней,
Где расставила вехи тоска,
Ты бы верил все безрассудней,
Что желанная встреча близка.

1930

* * *

Дети усталые спят,
На потолке паутина...
В замке танцует опять
Кукольная балерина.
Ты со страниц предпочла,
Снова слететь в зеркала
В карточном розовом зале.
Сколько же вёсен назад
Жаждал счастливой развязки
Стойкий печальный солдат
Из андерсеновской сказки?
Но до последнего па
В той перечитанной книге
Ты оставалась слепа
И подчинялась интриге.
Нынче понятен без слов
Завтрашний день и вчерашний,
Нынче подъёмных мостов
Больше не видно у башни.
Да оловянный солдат
Глупый, влюблённый, безногий,
Не охраняет твой сад
И перекрёсток дороги.

И от таинственных бед
Сточной глубокой канавы
Не защищает Валет,
Томно глядящий направо.
Он от усердья согбён
Перед своей королевой —
Бледною Дамой Бубён,
Что улыбается влево.
Стоит ли смерть побороть
В грохоте апофеоза,
Чтобы цвести и колоть
Стала бубновая роза?
Снова огонь камелька,
Снова забытая жалость —
В сердце бумажном тоска,
Кукольная усталость.
Верит душа в чепуху,
Переступая разлуку —
В бисерный знак наверху
И оловянную муху...

1930

НЕРУКОТВОРНАЯ

Я нынче память о тебе затрону —
Твой тёмный лик издревле близкий нам...
Твою сестру — Сикстинскую Мадонну
Не носят, как тебя, по деревням.
По галереям ищут в каталоге
Условный номер безмятежных глаз,
А ты сама просёлочной дорогой
В степной глуши разыскивала нас.
Скорбящая над праздничной толпою,
Доступная кликушам и слепцам,
Ты проплыла когда-то надо мною
По полотняным вышитым концам.
Кричали дети, причитали бабы,
В ландо вздыхали тюль и чесуча,
И ты коснулась благостно и слабо
Беспомощного детского плеча.
И мальвы в косах распускались пышно,
Подсолнечники пели и цвели,
А ты летала чёрной и неслышной
По розовому цветнику земли.
И где музейной красоте бороться
С нездешней благостью и унимать тоску,
С нерукотворной, ночью из колодца
Явившейся больному мужику...

1930

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Я сейчас не в силах тосковать
В тёплый вечер летнего досуга.
Словно приоткрытая кровать,
Край у свежевспаханного луга.
На прямой пробор расчёсан лес
Серебристой ровною дорогой,
И летит от вскинутых небес
Ветер за последнею тревогой.
А заката ласковая даль
Розовеет радостней и гуще,
Будто распускается миндаль,
Здесь нигде у окон не растущий.
Будет завтра свет и благодать,
Стих с весёлой явью одинаков...
И до счастья лишь рукой подать,
Как до этих придорожных маков...

1931 /?/

ВДОХНОВЕНИЕ

От сердца в кровь вошел огонь,
И он идёт живой и жёсткий
По жилам в бледную ладонь
На голубые перекрёстки.

И вот до кончиков ногтей
Под кольцами и у запястья
Я чую звонче и густей
Струю пылающего счастья.

И как мгновенья хороши
Последние перед началом,
Когда блестят карандаши
Отточенным весёлым жалом.

Поют беззвучно провода,
И я пою — глухонемая,
И лишь бумага, как слюда
Трепещет, звуки принимая.

1931

* * *

Не услышишь и не увидишь
Белых крыльев широкий взмах,
Лебединый серый подкидыш,
Притаившийся в камышах.

За оградой птичьего плена
Полюбили смешной насест;
Только ты, как герой Андерсена,
Поджидаешь белых невест.

Не дождешься сегодня зова,
Зимний воздух колюч и глух —
В феврале на пруду лиловом
Тесно скован лебяжий пух.

Не смотри же на лёд измятый
И на облако под горой:
Только в книгах давно, когда-то
По весне воскресал герой...

1931

* * *

Быть может, стоит только захотеть,
И в теплый вечер тающего снега
Поднять руки беспомощную плеть
И сняться с места, просто, без разбега.

И вот земля, далёкая земля,
Увидит, как без моего усилья,
Пылающие плечи оголя,
Раскинутся серебряные крылья.

Как парашют, что в воздухе расцвёл,
Но только вверх несущий от паденья —
Над головой лебяжий ореол
И с двух сторон размеренное пенье.

Лети, лети, но только вниз склонясь,
Не вспомни вдруг покинутую муку: —
Ты упадешь, и мартовская грязь
Заслонит ободряющую руку...

1931

В КИНЕМАТОГРАФЕ

Музыка рыдала виновато:
Счастье, счастье, ты приходишь поздно!...
Млечною дорогой аппарата
На экран спускались кинозвёзды.
И сияли райскими лучами,
И звенели голосами меди,
В темноте за женскими плечами
Волновались бледные соседи.
Погружались на мгновенье в Лету,
Покупали храм и колоннаду,
Приглашали шёпотом к буфету
На антракте выпить лимонаду.
Шли легко вверху, над облаками,
Не боясь ни смерти, ни разлуки
И сжимали влажными руками
Чьи-то подвернувшиеся руки.
Счастье шло от вздохов вентилятора
На экране волновалось море,
В коридоре райского театра
Выметали служащие горе...
Саксофон архангельской трубою
Подтверждал видения легенды...
Кто б ты ни был — это мы с тобою
Замыкаем свадьбой хэппи-энды.

1931

ВОЛШЕБНЫЙ ВЕЧЕР

Летний вечер падал, золотея,
В бледных травах кувыркались гномы,
У киоска даже Галатея
Улыбнулась, полная истомы.
А поэт, беспомощно робея,
Вдруг увидя, как она прелестна,
Отпустил на волю скарабея
С золотого дедовского перстня...
И смешалась явь с ненастоящим,
Души перетасовав небрежно...
— Если б только ты могла быть чаще
Вот такой растерянной и нежной.
К звёздному далёкому пожару,
Что вставал в прозрачном млечном дыме,
Статуи спешили по бульвару
Вместе с мертвецами и живыми.
И в венках из лучших лунных лилий
Распевали песни горожане,
И легко во сне переступили
Алые тускнеющие грани.
А наутро просыпались поздно
И глядели злей и виноватей,
Подметая тающие звёзды
У своих нетронутых кроватей.

1931

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Смежает горизонт глаза —
Небесный свод с морскою чашей,
В последнем свете паруса
Еще разорванней и краше.
И пусть матросских запевал
Не испугают альбатросы,
Рожденный где-то, чёрный вал
Летит уверенно и косо.
И если мы обречены,
То сквозь свинцовый пенный панцырь
Легко сквозит в луче луны
Скелет Летучего Голландца...
Так неизбежен силуэт,
И каждый юнга так бесплотен,
Что нам не страшен алый след
На белом холоде полотен.
Плывёт последняя мольба
В бутылке на клочке бумаги,
Заворожённая судьба
Склоняет вянущие флаги...

А бледный остов корабля —
Предвестник горечи и горя,
Плывёт на спящие поля
От успокоенного моря.
Чтоб сухопутную печаль
Обезнадёжить на рассвете,
Чтобы пропетое: причаль, —
Разбило музыку в сонете.
Но пусть трепещут паруса,
Мои беспомощные руки
Успели все пересказать
Нечеловеческие муки.
Мы бросим в свой водоворот
Под самый борт тоски и смерти
Приостановленный полёт
В неадресованном конверте...

1931

DORIAN GRAY

На страницах встретились романа,
В тесных главах, проклиная плен,
И любила снова Дориана
Черноглазая Сибила Вен.
Зацветало чайной розой лето,
Между разбегающихся строк,
Он глядел с поблёкшего портрета
На подушку, клевер и песок.
В час мечтаний девичьих вечерних
Ветер пробегает по плечам,
Я опять внимаю сэру Генри
Равно: наяву и по ночам.
— Чьи глаза на голубом аграфе
В полночь освещают небосвод?...
Сдунь же пыль с линялых фотографий,
Посмотри, как мучится урод.
О, Сибила, снова умирая,
Ты влюбилась в эту седину,
Тщетно из серебряного рая
Отпуская сотую вину.

О, Сибила, завтра на рассвете
У цветущих маками дорог,
Брось слова безжалостные эти,
Как стрелу в закинутый висок.
И увидишь, как живая рана
Снова похоронит, как и та,
Нежную улыбку Дориана
В чётких строках книжного листа...

1931

СЧАСТЛИВЫЙ ПРИНЦ

Оскар Уайльд... Запели чары скальда,
И вечности приостановлен бег...
Счастливый принц, и прежний бред Уайльда,
И ласточка, и самый первый снег...
Оскалы льда — решётками темницы...
И от твоих нерастопимых льдов
На пирамиды опустились птицы
С холодных телеграфских проводов.
Над морем промаячили флажками,
Графически расшили облака,
А мы остались. Что же будет с нами,
Протянутая белая рука?
Счастливый сон сегодня не нарушу,
И на плече, на белом серебре
Не для себя счастливейшую душу
Выклёвываю рано на заре.
Израненным крылом стучу о рамы
И, веря замерзающим крылам,
Через тебя, сквозь твой холодный мрамор,
Её разбрасываю по стопам...

1931

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Трамвайных рельс звенящие поводья
Стянула ночь, попарно разобрав.
И город собирается в угодья
Сквозь шелест рощ и черноту дубрав.

Как в тарантасе белоснежным цугом,
и в кожаной качаясь тесноте,
Больные души говорят с испугом,
Что мы от звёзд уже в полуверсте.

Просёлочная млечная дорога
Душистой пылью серебрит виски,
И блеянье, и пенье Козерога
Встречают запоздавшие возки.

И ангелы усталые к ограде,
Так незаметно перейдя на лёт,
У райского парадного осадят
Опять весной, как в мае каждый год.

Поэты распрягают и гуторят.
На крышах на земную вышину,
Как черепицы, утренние зори
С вечерними лежат через одну.

. . . .

Опустошённой, бледною и жалкой
Душа припомнит, что звала в бреду,
Поставив рядом с лёгкою качалкой
В стакан, как розу — белую звезду.

1932

ВСЛЕД

В этом городе ночи пустуют,
Звёзды — в млечных очередях...
Четверть века тебя четвертуют
В старой части на площадях.
В час тумана ступеньки крепчают,
В полночь стройно растянут помост,
И во сне тебя люди встречают
Ворохами проклятий и звёзд.
В час тумана на серой повозке,
Так привычно прищурясь в упор,
Ты качаешься, бледный и плоский,
И свой голос кладёшь под топор.
После пытки нет плоти на плахе,
Ощущаемо плещет душа,
И восходит в огромном размахе,
Каждый купол крылом вороша.
Мёртвый прах отряхая с надкрылий,
И нетленно тела затеплив,
Ты кидаешь в альковы Бастилий
Перелётного гостя призыв.

— Будь казнима со мною за ересь,
В горле олово, как облака,
Проходи через коврик и через
Подоконник, дрожащий слегка;
Сквозь ворота чугунные дома,
Через чащу, что леса густей,
В голубую расщелину грома
Стольких вёсен и стольких вестей...

. . . .

И уходит и снова снотворно,
По кругам пробираясь впотьмах,
Только стрелки отметят повторный
На секунды отмеренный страх...

1932

* * *

Отходя от сновидений ночью
Прямо к смерти, — спящих не задень...
Во сто крат светлее и короче
Мнится нынче неизжитый день.
Не задень лампады тёмно-синей,
И легко на кладбище ступив,
Очерти квадрат на балдахине
По земле волочащихся ив.
Чтоб лежать в земле тебе просторно,
Чтоб былое детство отыскав,
Жёлтый холмик кубиками дёрна
Обложили у высоких трав.
Чтобы прямо на зарытом горле,
Опуская белую ступню,
Мраморные ангелы простёрли
Взмах крыла к лампадному огню.
Чтоб, когда замшеют эти складки
Мрамора на вскинутом плече,
Ты бы всё ещё играла в прятки
Вечером в гостинной при свече.
Чтоб тебе был близок настоящий
Детский и невозвратимый рай,
Одеяла притянувши край,
Мёртвая, ты притворилась спящей.

1934

ДЕРЕВЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Наизнанку земля по весне!
Перетряхивай вечер печали!
Это плуг проплывает в огне,
Чтоб у дальнего леса причалить.
А вверху у кладбищенских стен
Словно пленная стая, украдкой,
Это ангелы, вставши с колен,
Развевают замшелые складки,
Белый мрамор спуская с плеча,
Мох счищая с застывших ладоней...
Под ногою земля горяча,
Покидаемый плачет и стонет...
Но легко отгибая доску,
Как страницу на крайней могиле,
Он прикладывает к виску
Жестяную повязку из лилий.
На дерновый садясь бугорок,
Он глядит, как дорогою мимо,
На небесный слетают порог
Деревенские херувимы.
Им у этих отверстых гробниц
Не склоняться над чьей-то виною,
Потому что воскресло весною
Сердце жадное самоубийц.

1934

ЛАНДЫШИ

Сквозь влажную тугую прель
Таких беспомощных вначале,
Из трубок, свёрнутых в свирель,
Их все овраги выдували.

Весна к серебряной красе
Слетала первою осою,
И ландыши в густой росе
Бутоны путали с росою.

Но звёздный незаметный клюв
Под крепнущими шалашами
Они поили, развернув
Попарно, белыми ковшами.

Дрожа в траве, как поплавки,
Сгибаясь маленькой лозою,
Они вставали на носки
И ночью бредили грозою...

Чтоб отцветать не на земле,
Чтоб задыхаться не в тумане...
Но умирали на столе
В высоком голубом стакане.

1934

ТЕЛЕГРАММА

Строчили провода над полем,
По деревням и городам.
Текли слова любви и боли,
Летели стаи телеграмм...
Пускай разгадан и оплачен
Короткий радостный ответ —
Телеграфист уездной почты
Садится на велосипед.
И радуясь, и подтверждая,
И глядя вверх на провода,
Послу, слетевшему из рая,
Ты пишешь на бумажке: да.
Чтоб позабыв о мокром снеге
И отстранив земное зло,
Он звонко простучал коллеге
Ответ в соседнее село.
И долго помнил ночью лунной,
Как плещет чуждая любовь,
Что пели провода, как струны,
Стекая в венчики столбов...

1934/1935

* * *

Что делать с ангельским чутьём,
Что делать с ангельским терпеньем,
Когда стихи заспорят с пеньем,
Рассказывая о своём?...
О человеческом, о злом
На языке простом и вялом... —
Что делать мне с земным началом,
Что делать мне с земным теплом?...
Не узнавая бледных строк,
Уже не доверяя слуху,
Глаза вмежив, покорно, глухо
Впервые повторю урок
Любви, что заревом вдали
Чадящим заслонит зарницу,
Своих же слов, что обошли
Меня на целую страницу,
И снов, и встреч... И откажусь
От ангельского песнопенья,
Взамен земного нетерпенья,
Взамен тебя, земная грусть...

1935

* * *

От снега, как от соболей,
Не гнутся плечи у прохожих.
И ты, на ангела похожий,
По белому идёшь смелей.
Вот так — ступать по облакам,
По Млечной ледяной дороге:
Крылатый трепет — по рукам,
Следов не оставляют ноги.
И улица к лучу луны
Сегодня подведёт вплотную.
— Лети, я больше не ревную —
Я вижу ангельские сны.

* * *

Теченье городской реки,
Такие легкие перила
И две протянутых руки,
Уже без воли и без силы,
Благословляющие так
Реки спокойное теченье,
Воспоминанье и забвенье,
И сон камней и синий мрак,
И тишину и высоту,
И звёзды, что тяжеловаты,
Вдруг приближаются к мосту
И обрываются куда-то.
С прозрачным звоном и огнём,
Легко сжигающим пространство.
Тоску твою и постоянство,
Твой дальный край, твой отчий дом...

1935

* * *

Как пар болотный, поутру всплывала
Тоска к окну и таяла в луче,
Рука блуждала в складках одеяла
И не боялась холодеть в парче.
Ведь не заказан гроб ещё дешёвый,
Товарищи не принесли венок —
Ведь ты — жива, и день сегодня новый,
И кровь стучится бережно в висок.
Не снята мерка, не несут покрова,
И веки не пытаются смежить —
Ведь ты — жива, и день сегодня новый,
Тебе его дозволено прожить.
С тобой любовь совсем ещё земная,
Где сами руки сложатся в венок
Вкруг плеч твоих. О, что там? Крылья рая,
Оковы ада, жёлтый бугорок?

1935 /?/

М. Цветаевой

В море — на корабле,
На потухшей золе,
На гранитной скале,
На магнитной скале,
Только не на земле,
Не в любви, не в тепле...
— Слышать, как журавли
Отлетят от земли,
— Чуять землю вдали...
Чтоб её пожалеть,
Чтоб её увидать —
Умереть,
Умирать —
На разбитом крыле,
Только не на земле...

1935

* * *

Плещется сердце сгустком,
Растворяется сердце в кровь
Перед выходом самым узким,
Перед взлётом своим в любовь.
Вот по стенкам шрамы и раны,
Вот по стенкам моих стихов,
Я увижу, как слишком рано
Прорывалось оно в любовь.
Шелуха опадает смерти,
Слой надежды, чехол тоски,
Сердце вылетело и чертит
Неуверенные круги.
И опять вырастает клином
Ярко-алым и режет свод,
Чтоб и ты близнеца закинул,
Чтоб и твой наступил черёд...

1935

ЗОЛУШКА

Туфли Золушки поизношены,
Нет ни пряжек, ни каблуков,
И повыкатились горошины
Из-под рваных пуховиков.
Вот рука твоя с дельтой синей
Стала слишком уже тонка.
Печка выгорела и стынет,
Известь сыплется с потолка.
Из такой паутины чёрной,
Что шарахается в углах,
Разве выкроишь ты задорный
Плащ, маячивший на балах.
Огрубела, окаменела,
Обозлилась и заждалась,
Но порою лёгкое тело
Вспоминает полночный пляс.
Ты встаёшь, и уже не щурясь —
Морщась, плача, скрививши рот,
В лунном тюле, в звёздном ажуре,
Открываешь опять гавот.

И кокетливым перестарком
/Мы сегодня опять вдвоём!/
Ножки маленькой, ждя подарка,
Выгибаешь крутой подъём...
Это — топот знакомый крысий,
Это — выстрел в поблёкший лоб.
Это к дому привычной рысью
Подъезжает тыквенный гроб...

1935

* * *

Как соломенный желтый шалаш —
Этот мир, ограждённый лучами.
Это — солнце стоит за плечами,
Это — рай ослепительный наш.
И за стенами золотыми
Невозможны ни горе, ни ад...
Если выйти — фруктовый сад
На мгновенье в круженьи застынет...
Да навстречу летящей душе —
Снова крыша небесной соломы...
Не прорваться. Твой голос сломан.
С милым рай, с милым рай в шалаше.

1935

* * *

Горячей плесенью крови
Душа покрыта, нет дыханья,
Лишь бред один воспоминанья.
И как его ни назови,
Всё будет то же: как мечталось,
Хотелось, пелось, призывалось,
Как мнилось о земной любви.
Чего ж ты мучишься? Живи…

1935

* * *

Шаги эпохи тяжелей,
Чужую жизнь обеспокоив,
Пусть свищут ветры из щелей
В бессонных лагерях изгоев.
Здесь не смыкали глаз ещё,
Не выходила смерть отсюда,
Здесь перебитое плечо
Привычно поджидает чуда.
Но близок час, когда с земли
Их увезут в ночи угрюмой
Серебряные корабли,
Неузнаваемые трюмы…
В последний раз они, томясь,
Пойдут покорно и без жалоб…
Но ангелы счищают грязь
С воздушных мостиков и палуб…
Земля дымком пороховым
Покроется, но будет просто
Увидеть райский полуостров,
Сказать — Эдем; подумать — Крым…
Там над землянкой — тишина,
И там выходит из окопа
Такая райская весна,
Трава такая Перекопа…

1935

* * *

Всё к сроку — первые стихи,
В бреду слетевшее объятье
И эти бледные духи,
И ослепительное платье.
Всё к сроку. Но пропущен срок,
И в белых путаясь воланах,
Ты смотришь на седой висок
В стенах лучистых и стеклянных.
И с мёртвым холодом в крови,
Такие завивая пряди,
Ты пишешь что-то о любви
В своей линованной тетради.
Всё о любви. Девичий сон
Уже не сладок и не страшен...
Но даже твой предсмертный стон
Любовной мукой приукрашен.

1936-1937

* * *

Был гром от нас в полуверсте,
Вскрывались молнии, как вены.
Шёл дождь и шарил в темноте
По тротуарам и по стенам.
Как в детстве — страшная гроза...
Не видя, ничего не слыша,
Ждала ты, заслонив глаза,
Удара над своею крышей...
Был ослепляющ синий свет,
Входя сквозь веки и ладони,
Разбивший двери на балконе
И покоробивший паркет.

1935-1936

СИРЕНЬ

Желанное случилось
В последний этот день:
У окон распустилась
Персидская сирень.
Душиста и лилова
И так густа, густа...
Свиданье нынче снова
У этого куста.
В твоей сегодня власти,
Цветёт до облаков
Душистый крестик-счастье
В десяток лепестков.
Пусть горло жжёт шелковым
Тебе огнём петля,
На облаке лиловом
Уже плывет земля.
На облаке махровом
Ты губы прячешь в тень
И осыпаешь снова
Персидскую сирень.

Пускай в ладонь невесте
Упрямая рука
Кидает чёрный крестик
В четыре лепестка.
Привычно оправляет
Серебряный покров,
С открытки отпускает
На волю голубков.
Ведь по дорожкам сада
И по твоим рукам
Скользит лиловый ладан
К вечерним облакам...

1935 /?/

ГОРОДСКОЙ АНГЕЛ

Над пролётом моста, над твоею тоской —
Ангел каменный городской.
Как замшела рука, да и плеч не склонить,
Чтоб упавшего благословить,
Не взлететь — приросло крыло,
И взглянуть ему тяжело —
Посмотреть из-под серых век
На лицо твоё и на снег.
И перила, что так холодны,
Никогда ему не видны.
Но за каменной складкой волос
Всплеск ему услыхать привелось.
— Ангел, разве нам по пути?
Ведь крылатому трудно идти.
Отпускает меня тоска,
И звезда над водой близка —
Чтобы первый полёт видать,
Чтоб завистливо ожидать
Взмаха новых неясных крыл,
Он склоняется у перил...

1935-1936

ТИШИНА

Надёжный верный кров,
И небо голубое.
Ни пенья комаров,
Ни башенного боя.
Молчит на кухне кран,
Не скрипнет пол ни разу.
Излеченный от ран,
Мой ангел кареглазый
Пришёл, приполз домой,
И под периной — зябок,
И, как глухонемой,
Склоняет шею набок.
Не слышит, но глядит
На небо, перелески.
Весенний нежен вид,
Как трепет занавески…
Вот так бы, закружась,
На гомон, по наслышке,
Как птицы, падать в грязь
От колокольной вышки.
И ангел слышит сон
Сквозь локон неподвитый:
Малинов странный звон,
Невиденный, забытый…

1935-1936

* * *

В небесном сне, небесном,
Живём мы как в раю,
В кафе, как будто тесном,
Вмещаем грусть свою
По светлому земному,
Живущему в крови,
По родине, по дому
И по своей любви.
И плечи затекают —
Зачем в раю летать?
И песен не вмещает
Измятая тетрадь...
Тоска обратно плещет,
И, к сердцу возвратясь,
Бьёт молнией на вещи,
На нашу боль и грязь.
И лишь на миг, от света
Ослепнув, мы поймём:
В раю — иное лето,
Иной бывает дом,
И стен линялых тесен,
И вправду, переплёт.

Откуда ж райских песен
Тишайший здесь полёт?
И слёзы над стихами,
Что кружат, как вино,
Откуда ж здесь дыханье
Легчайшее Твоё?

1935-1936

ГОРОДСКОЙ АНГЕЛ /2/

О, как мы ждали, как мы ждали,
Как верили, что за углом,
Под сенью траурной вуали
Наш ангел с каменным крылом
Сегодня, повинуясь знаку,
Сойдет в ночные кабаки,
И пьяный остановит драку
От света поднятой руки.
Снимая марево тревог,
Крылом рассеивая стужу,
Он приподымет потолок
И даст нам вылететь наружу.
Навстречу хлынет тишина,
И прямо в звёздные потоки
Летит наш ангел черноокий,
Наш ангел блоковского сна.
И у моста, где столько раз
Он утопающих не слышал,
Сегодня опустеет ниша —
Он — с нами, он уводит нас...

Но ты очнёшься неживой,
Пусть над рекой чуть слышный шорох,
И тень его скользнёт на шторах
С закинутою головой —
Над грудою усталых тел,
Что звали, верили и ждали,
Он к розовой рассветной дали,
Не обернувшись, пролетел...

1935-1936

* * *

Такого не запомнить урожая
По городу раскрывшейся тоски.
Как прежде, мак лиловый у реки,
Цветёт тоска — моя, твоя, чужая.
И как упрямы эти семена,
Под лёгким пеплом улететь готовы,
И не удержат двери и стена
И над кроватью стёртые подковы.
В счастливый дом, где розы на столе,
Где птицы-неразлучники щебечут,
Они ворвутся, и покинут плечи
И затоскуют о крыле.
И боль, созревшая, моя, твоя, чужая,
В такую ночь творит такое зло!
Но, может быть, и выростет крыло
У тех, кто жил, спасенья ожидая...

1935 - 1936

* * *

Так руки сжать, чтоб их не развести,
Крестом застывшим на груди усталой...
Снежок такой, как здесь, всегда бывает—талый,
И городское спешное: прости.
Как трудно выстоять — я это понимаю,
Перекрестись и выйди на крыльцо,
Февральский ветер освежит лицо.
Ты всё забудешь, всё забудешь к маю.
И не грусти, ведь скоро отцветут
В холодной глине губы, плечи, руки.
И нет такой любви, надежды, муки,
Которая б не отцветала тут.
Прощай, прощай, мне рук не развести,
И я впервые обнимать не стану
/Перед полётом на земле устану/ —
Мне сорок дней далёкого пути...

1935-1936

* * *

В полутёмной комнате — впервые
С глаз — платок. Прозревшая, гляди!
Это вещи хлынули живые,
И поют, и мечутся в груди.
Задыхаясь, шаря по обоям,
Отстраняя темноту и ложь,
Ты перебираешь голубое,
Золотое пригоршнями пьёшь.
Собирая звонкие волокна
В бледную, иссохшую ладонь,
Ты уже распахиваешь окна
И встречаешь розовый огонь.
Но полёт неопытный, неровный,
Сорван сразу и спасенья нет.
Слишком рано! В слепоте любовной
Ты не знала, что такое свет...
Боль вошла, и темнота всё гуще
И ещё страшнее, чем была.
Три свечи, но белый полог спущен,
И лежат на коврике крыла.

1935-1936

* * *

Скройся, сгинь, как туман растай,
Не лови вверху лебединых стай.
Под над городом — лебединый крик,
Под над городом мой летит двойник.
Лебедь слабая отстаёт, отстаёт,
И туман за ней от реки ползёт,
Змеем вздыбился за версту,
Из сил выбился на мосту.
Под над городом — лебединый крик,
А туман зачах, в берегах поник.
Лебедь слабая не летит к звезде,
А в туман летит, к городской воде...
Тишина, тишина наша смертная,
И горит звезда, чуть заметная.

1935-1936

* * *

Приходит освобожденье,
Не такое, как ты ждала:
Взлёты, борьба, круженье
Неопытного крыла.
Удары по мутным окнам,
Слепой торопливый взмах.
Тёмною ночью кокон,
Разорванный на углах...
Шёлком себя замотала,
Мечтала в тепле, спала,
И медленно выростала
Ширь твоего крыла.
И когда при бледном рассвете
Ты поднесёшь к зеркалам
Чёрные крылья эти,
Ненужный громоздкий хлам —
Крылатая неуклюжа,
Беспомощней не была.
Катаясь в кровавой луже,
Срывай этот липкий ужас
Крепчающего крыла...

Какие тебе полёты
Суждены на таком крыле!
Провалы, пропасти, гроты,
Пещеры в глухой скале...
Страшнее летучей мыши,
Из тлена и темноты —
Шарахаться из-под крыши
На вянущие цветы.
Не с яркими мотыльками
Кружится три светлых дня...
Веками, века́ми, веками —
Прятаться от огня.

1935-1936

ВО ДВОРЕ

Дошла любовь до точки,
Цепей не расковать,
Любились голубочки,
Слетались ворковать.
Достался голубь кошке
И клювом не стучит,
Соперница в окошке
Подпёрлась и сидит.
Подпёрлась локоточком,
Глядит куда-то вниз,
Летают голубочки,
Садятся на карниз.
А во дворе прохожий —
Плечист и сероглаз,
Кому-то точит ножик
Сегодня в первый раз.
Поёт, поёт прохожий
Не о моей красе,
Звездами брызжет ножик
На белом колесе.

Последний вечер дожит —
Цепей не расковать,
Поёт и пляшет ложе —
Пуховая кровать.
Последний вечер дожит,
Она гасит огонь,
И месяц — острый ножик
Упал в мою ладонь.
Порхая, звёзды всходят
От нашего двора,
Покоя не находят
На небе до утра.
И пляшут под окошком,
Скользят по желобам,
Ползёт по крыше кошка
К уснувшим голубям.

1936

* * *

Ни за что не болей и не ратуй —
Не дождёшься ни зла, ни хвалы.
На мосту у изъеденных статуй
Веки каменные — тяжелы.
Не поднимут ни век, ни ладоней,
А поставили благословлять,
И кому бы глядеть — благосклонней,
И кому б, наказуя, — прощать?
Но святая в массивной одежде,
В бело-сером цветочном венке,
Не вещает уже о надежде,
Не склоняется ночью к реке,
Не спасает и не отзывает.
А река глубока, глубока,
И перила легко раздвигает
На заре городская тоска...

1936-1937

* * *

Но для любви уже пришёл черёд,
Но для любви... и ты проснулась хмурой...
Ведь не был же водою звёздный лёд,
Не поседеет ангел белокурый
Она иная с каждою весной,
Такая, о такая неземная.
И ты сама становишься иной
И смотришь ей в глаза, не понимая.
Ей остаётся ангельский закон
Не знать конца, какою бы ни стала,
О, даже если б через смертный сон
Её уже ты вовсе не узнала.
Ей остаётся — чёрная земля,
Пока она, хоть в чём-то, виновата,
Пока она жива и не крылата,
Земную страсть свою не утоля.

1936-1937

* * *

Уже твою корону не расклеют,
На первом бале — первый визави,
О, разве счастье взрослое лелеют,
Как эту боль о детской нелюбви?
Был котильон, и на груди — медали,
И звонкие большие номера.
О, сколько бы ни жили и ни ждали,
Наш первый бал не кончился вчера.
Он длится... И паркет, покрытый воском,
Плывет к скамье, как солнечная нить,
Где, хмурым и заплаканным подростком,
Ты даже ночь клялась не пережить.

1936-1937

* * *

К облакам не поднимешь лица,
За такую усталость робея,
Отпусти же на волю с кольца
Золотого жука-скарабея.
В городском многолюдном лесу,
Где жуков никогда не бывало,
Оживая уже на весу,
Он тебя не оставит сначала. —
Над тобой зазвенит, как металл,
Но не в силах продлить расставанья,
Он примерил, припомнил, узнал
Грозовые раскаты жужжанья.
Не простым ювелирным жуком,
А таким, что уже не догонят,
Над кисейным неловким сачком
Синий воздух разорван и понят...

1936-1937

* * *

Не пила бы и не ела,
Всё б рассказывала,
Про любовь свою бы пела
И навязывала:
Мой суровый, чернобровый,
Крылья связаны,
И пути к надежде новой
Позаказаны.
Не взлетаю — трепыхаюсь,
Как на ниточке,
Голубочком притворяюсь
На открыточке,
Что письмо несет в веночке,
Многословное,
От начала и до точки
Нелюбовное.
Ты послушай, плачет в клетке
Канареечка,
По жасминовой, по ветке,
Где скамеечка,
Где на спинке два сердечка
Не свиваются,
Что у белого крылечка
Не встречаются,

Где не щиплют лепесточка
Благовонного,
Что на пальце поясочка
Нет червонного.
Ты законная ревнивица,
Горем до света пьяна,
Сероглазая счастливица,
Богоданная жена.
У тебя-то перстенёк, —
Семя маково,
Да меня тоска тревожит
Одинаково.

* * *

Прощай, прощай, не забывай её,
Она любить тебя уже не в силах.
Там ангелы летят, как воронье,
И ждут её на каменных перилах,
И на ногах покачиваясь хилых,
Угодливо манят в небытиё...

* * *

Каштан в цвету, по-деревенски яркий,
По-городскому на скамью зовёт.
Я возвращаю старые подарки,
Тебе любить и отвечать черёд.
Любовь моя останется земна.
И город наш, и на мостах перила,
Все клёны серые и тополя,
Всё то, что я с тобою полюбила...

1936-1937

* * *

Ангелы, лунатики-бродяги,
Дремлют по мостам и облакам.
Длинный луч встаёт из-за бумаги,
Подплывает к сложенным рукам.
Опишите это наважденье.
Размыкает пальцы холодок.
Милый друг, какое пробужденье
В чёрных перьях запряжённых дрог?
Для того ли вы впервые спали
Без вина и даже порошков,
Чтобы вас навеки закопали
Под холмом шестнадцати вершков?
И дразнили памятью и горем…

1936-1937

* * *

«А в Библии красный кленовый лист»

А. Ахматова

/2-ой вариант/

Возвращайся в пятый раз и сотый.
Знаю я, тебе не надо знать,
Что прошу с печальною охотой,
Что приму с надеждою опять.
Звезды с неба падают и вянут,
По пути теряют стебельки...
Кто восстанет? Для чего восстанут?...
Спи, мой ангел, ночи — коротки.
А наутро разберёшься сразу,
Для чего вернулся и к кому,
Спи, мой ангел, сине-кареглазый,
Я тебя нарочно не пойму.
Но прощу, конечно, и поверю
И, тихонько окна заслонив,
Подберу серебряные перья
С пола в книги, песни заложив.

1936-1937

ЛИЛОВЫЙ КАМЕНЬ

I

Понапрасну рядом ходишь,
Понапрасну устаёшь,
Глаз печальных не отводишь
И покоя не даёшь.
Камень розово-лиловый
Аметистовый
На рубашечке на новой,
На батистовой.
Этот камень утишает
Жар любовного огня,
Этот камень утешает
Нелюбимую меня.
Из персидской из сирени
Розовато-голубой
Пало счастье на колени,
Счастье выпало с Тобой.

Только счастье не досталось,
Сколько счастья ни ждала,
А уж как бы целовалась,
Как бы вечером ждала.
Не досталось, почему бы?
Не досталось, а кому,
Эти брови, эти губы,
Да в девичьем терему?...
Проходи с обманным словом,
Хоть насвистывай.
Камень — холоден лиловый
Аметистовый...

II

Иссушил, измучил взглядом,
Только я была слепой.
Проходил со мною рядом,
Только разною тропой.
Не со мною благосклонный,
Благосклонным будет вновь,
Картой розовой, червонной
Для разлучницы — любовь.
Так оставь меня до срока,
До того как подойду,
И сама я черноока
Уродилась на беду...
Угасить ли мне обновой
Аметистовой
Жар последний, жар суровый —
Жар неистовый?

1937

* * *

Серебряному горлу подражай,
Что в небе запрокинуто и плачет.
Давно остыл в амбарах урожай,
И всюду заколачивают дачи.
А журавли летят, и угловой
Скликается с другими вожаками,
Скликается с последней синевой,
С моими утомлёнными руками…
И замыкая занесённый клин,
Я только летней памяти отвечу:
Печаль сама уже плывёт навстречу,
Ты не страшись и голову закинь.

* * *

Уже твой лик неповторим,
Там чёрный ангел тронул воды,
Легко отсчитываю годы,
О сколько лет, о сколько зим...
Стояла ночь... Но нет, её
Глаза твои, лицо твоё
Уже часами вспоминаю.
Неуловимые черты
Мутятся, их заносит илом,
И ангел приникает к жилам,
К последним снам, к последним силам.
И с ними исчезаешь ты...

1937

ВЕСНА

О, как слаба, о, как нежна,
О, как скучна и нежеланна,
Встаёт прохладная весна
Из-за версальского фонтана.
И ей подчищенный тритон
Трубит заученную встречу,
Садовник — хилого предтечу —
Пестует зябнущий бутон.
И в рыжем пиджаке, плебей
Стоит, нацелясь аппаратом, —
Богиня профилем носатым
Ему позирует с аллей.
Но эта встреча не для мук...
В траве, потягиваясь, прелой,
Амур натягивает лук
И в землю выпускает стрелы.

* * *

Не черна моя совесть, а только мутна.
Целый месяц в окне не вставала луна.
В тишине, в темноте наступала весна.
И томила она, и звала у окна.

— Умирай, наступила для смерти пора.
Как туманны утра и душны вечера,
Не вздыхай, не гори, не зови, не дрожи,
Только веки сомкни, только руки сложи,
Только жить перестань... А покой недалёк,
Жестяные цветы от весны на порог,
Позумент — у плеча и парча — на груди,
Только ты не вставай, только ты не гляди...
Розовая глина легка и суха,
Далеко до луны, высоко до греха.

1938

* * *

Боже мой, печалиться не надо,
Этот день — спокоен и хорош,
На дорожку маленького сада
Золотая набегает рожь.
Чайных роз измяты сердцевинки
Лепестки, как дамские платки,
Из-за них погибнут в поединке
Вечером зелёные жуки.
На мосту почти прогнили доски,
И перила так легки, легки,
Поправляй же локоны причёски,
Становись, взлетая, на носки.
И никто, наверно, не заметил,
Как я пела, огибая дом,
И, как, словно спущенные петли,
Тень моя рассыпалась дождём.
Как недолго, чувствуя тревогу,
Голос мой срывался и дрожал,
Но никто не вышел на дорогу,
На земле меня не удержал.

1935-1938

* * *

Не надо прощенья, не надо.
Душна высота, тяжела.
От пыли небесного сада
У ангелов никнут крыла.
И синие очи линяют,
И белые плечи слабей.
На площади дети гоняют
Десяток ручных голубей.
Как стонет уездное лето,
И камни костёлов теплы,
А голуби сизового цвета...

1935-1938

* * *

Со всею преданностью старой,
Во власти отзвучавших слов,
Я выхожу на зов гитары,
Высоко гребни заколов.
Ступив с четвёртого балкона,
Сорвав ограды кружева,
Я жду улыбки и поклона
И веры в то, что я — жива.
Но смутен разум дон Жуана,
Привычно струнами звеня,
Он скажет мраку: донна Анна,
И отстранит легко меня.
От грёз очнуться слабой Анне
Трудней, чем мне от вечных снов...
Она — жива, она не встанет,
Не выйдет, гребни заколов.
Как перепуганная птица
Забылась под сердечный стук,
И даже ей во сне не снится:
Безлунный сад, безумный друг.

1940

* * *

Выходила на откосы,
В новолуние ждала,
У такой простоволосой
Не любовные ль дела?

На воде играет лебедь,
Бьёт крылами по воде,
Да не виден чёрный лебедь
За вербою на пруде.

За купавой изогнулась,
Поскользнулась на доске
И упала, растянулась
На серебряном песке.

На траве играют росы,
И тропиночка светла,
У такой зеленокосой
Не любовные ль дела?

Не докончила веночка
И теперь не доплела,
В полнолуние с песочка
Снова друга позвала.

Все отобраны цветочки
Для заветного венка,
Смертный венчик на височке
У любимого дружка...

Новый месяц ходит в небе,
Проплывают облака,
Стонет в тине чёрный лебедь
И осока высока.

* * *

Заметает ветер лепестки,
Мне с тобой встречаться не с руки.
Лето подошло уже к плетню,
Только я одна еще пою.
А другие, косы закрутив,
Словно маки среди спелых нив,
Тяжелы, спокойны и слепы,
Подняли блестящие серпы.
Проходи-ка нынче стороной,
Последи-ка, полюбуйся мной.
К вечеру сойду одна к ручью,
Рукава повыше засучу,
Смою пот и смою пыль с лица,
Прислонюсь одна у деревца.
Тяжелы стоят в полях снопы,
Заступились острые серпы.
Ноют плечи, где цвело крыло,
Где крыло цвело и отцвело.
Это тебе, счастье, не апрель,
Это тебе, голос, не свирель,
Это тебе, сердце, не обман,
И тебе, усталость, не дурман.

Париж

* * *

Только мне очевидно, что скоро,
С тёплой нежностью и тоской,
Ты придёшь, чтоб послушать укоры
И коснуться надежды рукой.
Тронуть все мои раны и шрамы,
С прояснённым лицом поглядеть:
— Ты всё та же: нежна и упряма,
Ухитряешься плакать и петь...
Поглядишь и задремлешь с дороги,
Подлетев к моему этажу.
Спи, мой ангел, коварный и строгий,
Я тебя на заре разбужу.

Париж

* * *

Суженый, ряженый,
Кудри напомажены,
Бел платочек на груди,
Если хочешь — приходи.
А не хочешь, что морочишь,
Зубы волчьи даром точишь?
Ночку тёмную просрочишь —
Ночка тёмная — тепла.
Хороши льняные косы
У девчонки, у курносой,
Шея нежная — бела.
Хороша, медова речь,
Только рядом скучно лечь.
Поворкуешь, затоскуешь,
Замилуешь и минуешь
Светлый дом и тихий сад
И воротишься назад.
Да назад не ходит солнце,
Да прихлопнуто оконце,
И сужёная жена
Весела и неверна.

Париж

* * *

Обойдёшься без надежды, обойдёшься без любви.
Все в 17 лет невежды, как ты знанье ни зови.
Светлый сокол на цепочке, на расшитом рукаве,
По песку бегут следочки и скрываются в траве.
Бьётся, бьётся сердце—сокол под чеканным
колпачком,
Где добыча? Взмыл высоко и кидается рывком.
Нет добычи. Если даже попадётся в полутьме,
Ты ей смерти не навяжешь в клекоте и кутерьме.
Промолчи, не обольщайся, взглядом небо изучи,
А потом к земле бросайся чёрным филином в ночи.

Париж

* * *

По твоим пойду следам
И судьбу твою предам,
— Чёрным слухам и вестям,
Чёрным карточным мастям,
Чёрным траурным кистям, —
По высоким берегам,
По некошенным лугам,
По нетоптанным снегам...
Высоко стоит луна,
Свет ложится из окна,
Ты уже не знаешь сна,
Ты уже не ешь, не пьёшь,
Ты поближе спрятал нож,
Ты уже поверил в ложь...
Замкнут лунный тяжкий круг,
Погибает нежный друг,
Но неизлечим недуг,
Жалок поздний твой испуг...
Спит над миром тишина,
Ты — один, и я — одна,
Принесла твою судьбу,
Успокоила в гробу.

Париж

* * *

Нет сил уснуть, запевает
Сердце мое в тишине,
Никто ничего не знает
О нас с тобой, обо мне.

Никто ничего не узнает
Разве вот — эти стихи.
Над городом снег мелькает,
Но тротуары — сухи.

Над городом всходят звёзды,
И счастье — из первых рук,
Вернись же пока не поздно,
Вернись, изменивший друг.

* * *

От прозревшей души как слабеет
Это тело, и клонит ко сну,
Но уже небосклон голубеет,
И лучи отвели вышину.

С подоконника глиняный голубь,
Оживая почти на лету,
Окунается в алую прорубь,
Догоняет крылом высоту.

Всё равно, он утонет и станет
Светлым духом, что к людям сошёл,
И обвёл их надежды сияньем
И над знаньем сомкнул ореол.

Париж

* * *

Ты раскрыт для всех земных соблазнов,
Ты вошёл в большие города,
За лохмотья чёрной ризы грязной,
Как репей, цепляется звезда.

/Та, что только память и осколок/,
С ней играют дети на земле,
Путь земной и для тебя не долог,
И не тают звёзды при тепле.

Вот она уже в большом бокале —
На кровавом дне горит звезда.
Ангел, ангел, в ангельской печали,
Промелькнут короткие года.

Отсияют звёзды встречных взоров,
И земное счастье отпоёт,
Звёздный след из ледяных узоров
Недвижимо за окном течёт.

Только в смерти совершится чудо,
Будет чудо — чудо /ты забыл о нём/,
И за счастьем ты уйдёшь отсюда,
Как для счастья ты покинул дом...

И твоя звезда, что по ошибке
За тобою ринулась с высот,
Всходит снова по дороге зыбкой
И горит, и стынет, и поёт.

Париж

* * *

На этой страшной высоте,
Где прерывается дыханье,
Мы не поём, и только те,
Кто может, говорят стихами.
Ведь больше вынести нельзя
Ни одиночества, ни стужи;
Зачем же этот голос нужен,
Во тьме ведущий, как стезя?
И сквозь туманы и дожди —
Всё беспощаднее и гуще,
Чуть слышный, но ещё живущий,
Ещё твердящий впереди,
Что на земле пощады нет,
Что в небе ты давно услышан,
О том, что выше будет свет,
Что хватит сил подняться выше…

Париж, 1936

* * *

Тяжела Твоя рука над нами,
Тяжела ведущая рука,
Даже через эти облака
С бледными прозрачными краями,
Даже через эту красоту,
Что не тронет никакое тленье,
Через всю любовную тщету,
На лету и через вдохновенье
Нету сил принять благословенье
От Тебя на городском мосту.

Париж

* * *

Только слабость, словно голубь бьётся,
В нежном сердце, в устрашённом горле,
Только голос на стихах сорвётся,
Только крылья ангелы простёрли
Надо мной, как в городской больнице,
Где того, кто умер, заслоняют,
Чтоб живые не могли томиться.
Только отпускающие руки,
Только принимающая память —
После встречи не было разлуки,
От разлуки — горя между нами.

Париж

* * *

Я говорю себе: не требуй,
Я говорю себе: смирись.
Ведь знаю я — над чёрным небом
Стоит совсем иная высь,
Куда не залетал Гагарин,
Быть может, Лермонтов бывал,
Где дух, который всем подарен,
На Бога детски восставал,
Где отражаются картины,
Стихи, и музыка, и зов,
Как будто блеск воды раскинув,
Стоит блаженный Петергоф.
И, как фонтаны, бьются души,
Стремясь повыше залететь.
Ну, вот, смирись. Ну, вот, послушай:
Ты не должна дерзать и сметь.
Ведь вокруг тебя иное.
Двойник, ликуй, — нас снова двое.
/И водомёт и водоём/.
Мы снова, наконец, вдвоём.

* * *

Не узнаю себя. Как будто — та же.
И значит, — это изменился мир.
. . . .
И я тут ни при чём. Ведь эта лира
С какою-то подвязанной струной
Поёт всё то же, жалобно и сиро,
Над тишиной, над миром, надо мной.
Но может быть, чуть-чуть струна крепчает,
Ведь луч звезды случайно лёг рядком
С моей струной и тоже отмечает
Мою тоску звенящим холодком.

НОЧЬ В РАЮ

Задыхается сердце от счастья,
И сегодня тебя утоля,
Для других на неравные части
Разделилась покорно земля.
И ещё не остывшие плечи,
Расправляя в последнем бреду,
Ты на звонкий торопишься вечер,
На гулянье в соседнем саду.
И весёлые гроздья пугая,
Залетевших к ограде, шаров,
Ты слетишь в этот мир попугаев,
Каруселей и белых шатров.
Только ангелы скроют брезентом,
До зари охраняя с трудом,
Эти крылья из позументов,
Это сердце, как пряничный дом.
Пусть стучатся влюблённые души,
Пусть зовут золотую мишень, —
На земле из зелёного плюша
Расцвела жестяная сирень.
Полотняные дышат фиалки,
И, встречая беспомощный взгляд,
Лишь тебе непривычно гадалки
Ранним утром отъезд посулят...

Гороскопы и попугаи
Подтвердят на листках и руке
Голубую заоблачность рая
На востоке, невдалеке.
Ведь путей тебе не отрежут,
Пусть на улицах стало светло,
Пусть на белой арене манежа
Невзначай отвязалось крыло...
Шелестят лотерейные гребни,
В лабиринте — потерянный путь,
И под выстрелы розовый лебедь
Подставляет картонную грудь...
Где тончайшие папильотки
Настоящая сбросит сирень,
Городская толпа у решётки
Рукоплещет, встречая мишень...
И прощаясь и обрывая
Серпантин с холодеющих рук,
Ты обманутой выйдешь из рая
Сквозь бумажный натянутый круг..

ПОСЛЕ ЛЮБВИ

Узнавая, что некуда деться,
Этой ночью в покинутый сад
Тёмно-красное мёртвое сердце
Упадёт, холодея, назад...
И в корнях засыхающих крыльев,
У ключицы, почуяв тепло,
Бросит ворохом розовых лилий
На подушки живое крыло,
Всею кровью втекая из глуби
В шелест крепнущий и глухой,
Исчезая в серебряных клубнях
Розоватою шелухой...
И распахиваясь за дверью,
Забывая недавний страх,
Отряхнёт незаметно перья
Этот лёгкий влюблённый прах...
И пускай тяжелеют плечи,
И ладони легли на грудь,
Мне уже никто не перечит —
Я лечу, узнавая путь.

ЗОЛУШКА

В полосатом больничном халате
Пляшет снова она на балу,
Словно в розовом вышитом платье,
Перейдя голубую золу.
Сандрильона, как ты огрубела,
Обозлилась и заждалась,
Но опять забывает тело
Всё на свете и помнит пляс.
Ты встаёшь и, уже не щурясь —
Морщась, плача, скрививши рот,
В лунном тюле, в звёздном ажуре
Открываешь одна гавот.
В этом зале, где музыка — сверху,
Словно роспись, поёт с потолка,
Лишь пожатью, браслету и меху
Доверяет нагая рука.
В этом зале, где сводные сёстры
Незаметно поблёкли у стен,
Наконец объясняется просто
Одиночество, ужас и плен.
В коридорах поёт перестарок,
За решётку схватилась рука.

— Нежный принц, оставляю подарок:
Два ковровых своих башмака. —
И под топот настойчивый крысий,
И под тыквенный стук гробовой,
Кто услышит смятенье и выстрел
Над чудесной твоею судьбой?...

* * *

/2-ой вариант/

Был страшен миг последней немотой
Перед грозой. Клубилось, трепетало
И застывало снова за чертой.
Где молнии уже вильнуло жало,
Где старый дом, стоявший в тупике,
Впервые озарённый — словно сдвинут,
Где все карнизы голуби покинут,
Где вырос флаг на явленном древке.
И полоснуло грохоту навстречу
По воздуху над тучами вразбег,
По пригородам падал первый снег
С фруктовых гор, не охлаждая сечу.
Но вот смотри, за первой прядью прядь
Дождя легчайшего и тёплого, льняного
Уже из форточки перебирать,
Хотя и страшно, но совсем немного.
Внизу мутится улица? канал?
Мельчают тучи на глазах, скудея...
За этот миг наш кактус расцветал,
Быстрей, чем под ладонью чародея.

КИЕВСКИЙ ЗМЕЙ

Поэма посвящается
Марине Цветаевой

I. ЗМЕЙ

Срывает с сердца свою печать:
— Не спи, вставай, перестань молчать.
Улыбаться не смей.
Есть не смей.
Я твой владыка — крылатый змей.
Я — напасть твоя.
Я — страсть твоя.
Я — власть твоя.
Я— часть твоя.
Вставай, змея. —
Тень крыльев на одеяле.
— Змеем меня называли,
Дьяволом меня называли
.... меня называли,
Хворью, безумьем, адом.
Я — снова с тобою рядом... —
Свист и щёлк,
Что соловей,
Словно шёлк,
Будто змей.

В синеве июньской ночи
Он морочит и пророчит,
Как Орфей в аду,
Как бассейн в саду.
Пену-речи волочит,
Кольца-прописи строчит.
Как струя в реке,
Как перо в руке...
— Я бумажный змей,
  Я крылатый змей,
  Огненный змей,
  Горыныч — змей.
  Спать не смей,
  Жить не смей.
  Будь моей.
  Иноком притворюсь,
  Братом прикинусь,
  Пламенем взовьюсь,
  Возлюбленным кинусь. —
Из сказки, с иконы
/Из-под копья/,
Такой испоконный:
Кутья да скуфья...

II. СТРАННИК

Послушничек,
Наушничек,
Девушничек,
Двурушничек...
Волосики — лён
С личика чист,
Больно умён,
Больно речист...
— Мне бы за узкие плечи мешок,
  Мне бы расчёсочку — гребешок,
  Мне подпояску бы, ремешёк,
  Мне бы в указку да посошок... —
А глаза, как хрусталь холодны,
А уста, что коралл, бледны.
А рука — неживая лежит.
Затаился и ворожит...
Змея шестикрылого
Даром оплели.
Чернеца-то хилого
Узнаю вдали.
На девятой версте,
На проклятой версте,
Это — не я.
На мосту стоит, на хвосте —
Змея.

Жарится, нежится,
Смотрит, колышится:
Если б я была бы я,
А не эта вот змея,
Давно бы кольцо твоё приняла,
Колечки бы льна приласкала на лбу,
Змеиные б кольца не развела,
Кольчугу б свою потеряла в бою...
— Ну какой же ты чернец, молодец,
    На дуде золотой игрец?
    Много выпил в ночи сердец.
    А за мною пришёл под конец. —
За мною идёт в забытый скит,
/Снами уже истомил/
Вербы стоят, и ива стоит,
И дышит зелёный ил.
Это не сон уже, а явь
/Змея стоит на хвосте/
Русалки его догоняют вплавь
На девятой версте.
У каждой губы черны-черны,
И женская боль, боль в очах...
    — Ты за собою не знал вины,
    Почему же и ты зачах?
    Оставь лежащую ту сестру,
    Она — словно в горле кость.

Не змея ли она, что стоит на мосту,
Сторожит у плотины мост?
Брось её, брось,
Нас верни
На землю, на мост,
Чтобы жить с людьми...

III. НА МОСТУ

— Здравствуй, монашек
Выпитый.
Повыспрашивай,
Повыпытывай.
Монашек липовый,
Меня поспрашивай...

ПРОЛОГ

На небе прозрачными руками,
Сны со звёздами перемешав,
Ночь идёт, окутанная снами,
Слушать рост и тайный шорох трав.

Слушать ветер зыбкий и тревожный,
Плеск и бормотанье зябких вод:
— Здесь не мешкай, путник осторожный...
И в ответ им полночь где-то бьёт.

Тусклый месяц изогнулся рогом,
Сумрак полон топота копыт.
Тень за тенью, по пустым дорогам,
Распластавшись, в воздухе летит.

Сумрак полон вещих волхований,
Вздохов, содроганий роковых,
Конских грив, безумных нареканий
И последних судорог земных...

СЫНУ

1

А тебе разве памяти мало,
А тебе разве мало тоски
По камням разноцветным Урала,
По изгибам какой-то реки?
Но беспомощно руку ребёнка,
Направляя в зелёный простор,
Ты на карте стучишься в избёнку,
Попадаешь в серебряный бор.
И касаясь холмов живописных
С странным именем Жигули,
Видишь, в небе, иконописно,
На ладони твоей — журавли.
Милый мой, я сама не бывала
Ни в Кремле, ни у ясных полян,
Разноцветные камни Урала
Мне показывал капитан.
И твердили настойчиво книги,
Звали старшие, пели стихи.
И тебе я о том же покорно
Повторю, но не зная тоски.
Ты с Кавказа дорогой узорной
Все обходишь материки.

Тянет тлением от каждого оврага,
Пахнет адом каждый Божий сад.
И врага не знает, скользкой шпагой
В этот час заколотый солдат.

Лорелеи косы распускают,
Голос бездны сладок и высок.
И над кладом медленно сияют
Чёрный Рейн и золотой песок.

А над дальным Брокеном смятенье,
Пир горой, и в пламене гора,
За которой пляшут в исступленьи
В древних рощах гномы до утра.

И над всеми — с мёртвыми глазами
Серый призрак, гибель на скале.
... Сеет ночь усталыми руками
Правды и неправды на земле...

И от полюса смотришь, моргая,
Как встаёт на востоке страна
Та же самая или иная,
Та, что мне никогда не видна.

2

Океанская глубь, океанская ширь.
Зелена и бела на бумаге Сибирь
И коричнев Кавказ и Кура коротка,
Опираясь на Кремль, как на два локотка,

Смотрит сонно Москва, и подвески огней
Запевают малиновым звоном у ней.

Питерсбурх, Петербург, Петроград, Ленинград...
Это Летний крыловский сияющий сад.

Почему же он вечно в крови и снегу?
Я не знаю, Серёжа, и знать не могу.

* * *

Сумасшедший дом. Аккуратный парк.
Сумасшедшая русская: Жанна д'Арк.
Разрешили ей волосы стричь у плеч
И тяжёлые двери свято беречь.
— Ах, — печально она говорит врачу, —
Я дофина увидеть скорей хочу.
О, поймите, я слушаю голоса
Каждый день по три, по четыре часа.
И со скукою врач отвечает ей:
— Был расстрелян в Сибири дофин Алексей,
А историю вашей дикой страны
Вы и здесь забывать никогда не должны.
Но однажды явившийся серафим
Показался царевичем ей сквозь грим.
Тут-то многое она поняла
/Поседела и от ворот отошла/,
Что она — эмигрантка, а город — Париж,
И что за нашей историей не уследишь.
Той же ночью спокойно она умерла,
И вошла в Ленинград, и дофина нашла.
И собор отыскала. Стоял Алексей,
Петроградской белой ночи бледней.
Ликовал почему-то советский народ
И уже собирался в какой-то поход.

Эмигрантская дева жива-не жива
/Словно молния — в древо/ и видит — Москва.
Петербург отступил, и уже Михаил,
Дрожь скрывая, стоит у бесчестных могил...

Фиалки, ландыши, сирень,
И даже розы, даже липы
Теряют запах. Всплески, всхлипы:
Идут дожди который день,
Который месяц. И жасмин,
Осыпанный дождём бутонов,
Поник, устал от этих звонов.
Бокалы чокаются...
. . . .

В столице Москве, впервые
Крещу эмигрантский лоб.
Палач не успел по вые
Ударить и бросить в озноб.
Впрочем лубянки и эти бутырки —
Не недорезана жизнь монастырки.
Прекрасной, фильтрованной, синей
Кажется эта река.
Туристы ....линий
................свысока.
Ну, здравствуй, ну, здравствуй...
На улице русская речь,
Что от какой-то латыни
Мы сумели сберечь.
Авиафлот и паспорт...
Таможня. Авиафлот...
И пограничная стража,
Самая страшная кража,
Бывший земной оплот...
....

Не размыкает счастье рук,
А горе никогда не слепнет.
Прощай, прощай, любимый друг,
....

Какая жадность и размах!
Метель сгребает всё предместье,
И мы с тобой идём впотьмах,
И мы с тобой случайно вместе.

Не проклинают нелюбимых,
И я тебя не прокляну.
Летят по стенам херувимы
К неосвящённому окну.

Ни объятьем, ни взглядом, ни словом
Не сказать, что приходит тоска.
В этом мире чужом и неновом
Я с тобою не буду близка.

Уже ничего не тревожит,
На небо гляжу и пою.
Кто первый поклоны положит
За слабую душу твою?

* * *

Остывает земля, изнурённая светом и зноем.
Гаснет жёлтая пыль, и дома закрывают глаза.
Так усталый священник качается пред аналоем,
Так склоняется он, заслоняя собой образа.

Так дрожат в полутьме восковые тяжёлые свечи,
Догорая, — так тяжкое горе смыкает уста.
И тяжёлые чёрные тени ложатся на плечи,
И, как церковь, безмолвна душа, и, как церковь, пуста.

Разве где-то в притворе, совсем в темноте, на коленях,
Лишь глухую старуху увидишь на вечном посту,
Или нищего здесь, что томясь на просторных ступенях,
Заскорузлую руку напрасно простёр в пустоту...

* * *

Давно растаял лёд: лишь сырость на лужайке,
И незабудки вновь глазеют на луну.
Нам сплетни свежие расскажет без утайки
Всполошенный ручей, так любящий весну.

Пойдём скорей туда, пойдём, не надо скуки,
Посмотрим, как живут, и как цветут цветы.
О, я на целый миг забыла о разлуке,
Но расплываются твои черты.

* * *

Весна, а вечер пуст, и сквер ещё прозрачен,
Ещё ни жив, ни мертв от страха и любви. —
Не только счастья нет, но даже нет удачи...
Но мне страшнее слов молчания твои.

Ты видишь всё: и грусть, и нежность в тёмном сквере.
И это всё, как жизнь, ты странно перерос.
Иного не любя, не зная и не веря,
Ты смотришь в пустоту сквозь призраки берёз...

* * *

Серебро листвы в тускловатом свете,
Как медных волос усталая рожь.
Неужели век мотаться на свете?
Неужели вовек ничего не поймёшь?

Прозвонили полночь часы на башне.
В ответ за углом — последний трамвай.
Я иду одна, забыв о вчерашнем,
О случайных словах, о любви невзначай.

* * *

Открылся край седого неба,
А веткам страшно в темноте.
Луна большим и жёлтым хлебом
Лежит на синей высоте.

Мой путь домой такой тяжёлый,
Ночные ветки бьют в лицо.
И страшно мне ногою голой
Ступить на белое крыльцо.

* * *

Меркнет ночь, совсем, совсем как летом.
Чу! Идёт на цыпочках заря.
Зажигает солнце алым светом
Рыженькие стёкла фонаря.

Холодно в предутреннем тумане,
Спать пора, пора уже давно.
Огненным карбункулом в стакане —
Злое недопитное вино.

О, когда ворвётся в тишь глухую
Птичий хор, и мне споёт о том,
Что стоит и в эту пору злую
Где-то там старинный белый дом?

Там шмели жужжат, гудят под липой,
Там варенье варится в тазу,
И пьянит малины запах липкий,
И ребята ловят стрекозу...

А в конце аллеи, в пёстрой сетке,
Свет от елей между двух берёз,
Мама в белом... Мама — только ветки
Не дают смотреть... Но это ведь от слёз.

Слёз не надо. Это только снится.
Жизнь спешит, и всё давно прошло.
Это ветер с моря мне к ресницам
Приложил солёное крыло.

СЕРДЦЕ

Пылало сердце, платье прожигая.
И вот на ткани — тёмное пятно.
Душа летит и падает нагая,
От сна восстав, в разбитое окно.
Она разбужена, когда крыло истлело, —
Весь мир в дыму задохся и завял.
Она с балкона в облака слетела
Растянутых толпою одеял.
Она встаёт, не чувствуя бессилья,
Она вдыхает городскую пыль
Уже стихов серебряный костыль
Ей режет опадающие крылья,
Прикрыв рукой ослепшие глаза,
Она кричит, вещая о пожаре,
Она спешит о смерти рассказать
И птицам перья стынущие дарит.
Но шло землёй мирительное лето,
И сквозь земной невыносимый зной
Вставало сердце солнцем сквозь запреты
Гореть и звать библейской купиной.

БРЮГГЕ

Посвящено Ф. Жиллэс де Пелиши

Ночью руки до плеча растают —
Мы крылаты снова на досуге...
Наши души ночью улетают
На каналы в позабытый Брюгге.
Чинно звёзды сторонятся в небе,
И туманы, подколов вуали,
Нас ведут туда, где чёрный лебедь
Под мостом вздыхает на канале.
Спят кружевницы в своих подвалах
И во сне привычными руками
Ворожат в узорах небывалых,
Что цветут вверху над чердаками.
Город спит в неотзвеневших звонах,
В медных звуках, горестных и чистых —
Тёмный город брошенных влюблённых
И, с маршрута сбившихся, туристов...
А когда колокола застонут
И кружевниц ослепят рыданья,
Нас лучи готические тронут
И мы птицам скажем: до свиданья...
Мы уже опаздываем, птицы,
И давно, в Париже или Праге,
Колют тело стынущее шприцем
И на полках ворошат бумаги...

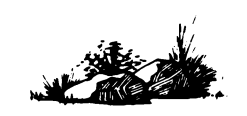
1931

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА

Родилась на Украине, в деревне Николаевка. Попала за границу в 1920 г. Училась в Чехословакии в русской гимназии, в глуши, в Моравии, где пробыла шесть лет.

Стала печататься, кажется, с 1931 г. в журнале «Воля России» (Прага). Издала лишь один сборник стихов — «Лебединая карусель» (Издательство «Петрополис»). Второй мой сборник стихов, о выходе которого в издательстве «Русские поэты» в Париже было объявлено в печати, так и не вышел в свет из-за военных событий.

Печаталась в «Современных Записках», в газетах «Руль», «Возрождение», «Россия и Славянство» и др. В настоящее время, писания не бросив, почти не печатаюсь. Не хватает, как воздуха, литературных контактов, но мой интерес ко всему, что касается русской литературы и русских судеб, велик и неистребим.

Сердце

[illegible] сердце, златое [illegible]
И вот на [illegible] темное пятно
Одна летит и падает [illegible]
От стен [illegible] в раскрытое окно.
Она [illegible], когда кругом [illegible]
— Весь мир в долину задохся и замер
Она с балкона в облака слетела
Касаясь [illegible] тонкого [illegible].
Она встает не чувствуя [illegible]
Она вдыхает [illegible] [illegible]
Уже стихов серебряной [illegible]
Ей [illegible] [illegible] не кровной
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
Она хранит [illegible] пожаре
Она спешит в ответ рассказать
И птицы ей перья серебристые дарят.

— Но мир земной [illegible] лето
. И сквозь земной невыносимый зной
Вещее сердце [illegible] сквозь запреты
Гореть и звать библейской [illegible]

СОДЕРЖАНИЕ

Склад издания:
206, Av. de la Couronne
1050 — Bruxelles 5 (Belgique)

D. L. 0362 1989 5

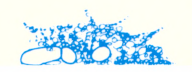
ПОСЛЕСЛОВИЕ

Алла Головина мирно скончалась 2. VII. 1987 г. в Брюсселе.

Очень жаль, что много поэзии А. Головиной бесследно исчезло, потеряно... возможно, спрятано в старых архивах. Это был крик ужаса и боли периода войны в 1945. году, после долгого молчания.

Мы сердечно благодарим Г-на Эткинда, Г-жу А. Поповскую и Т. Маргулину за их энергичное участие в издании предлагаемой книги.

Издатель

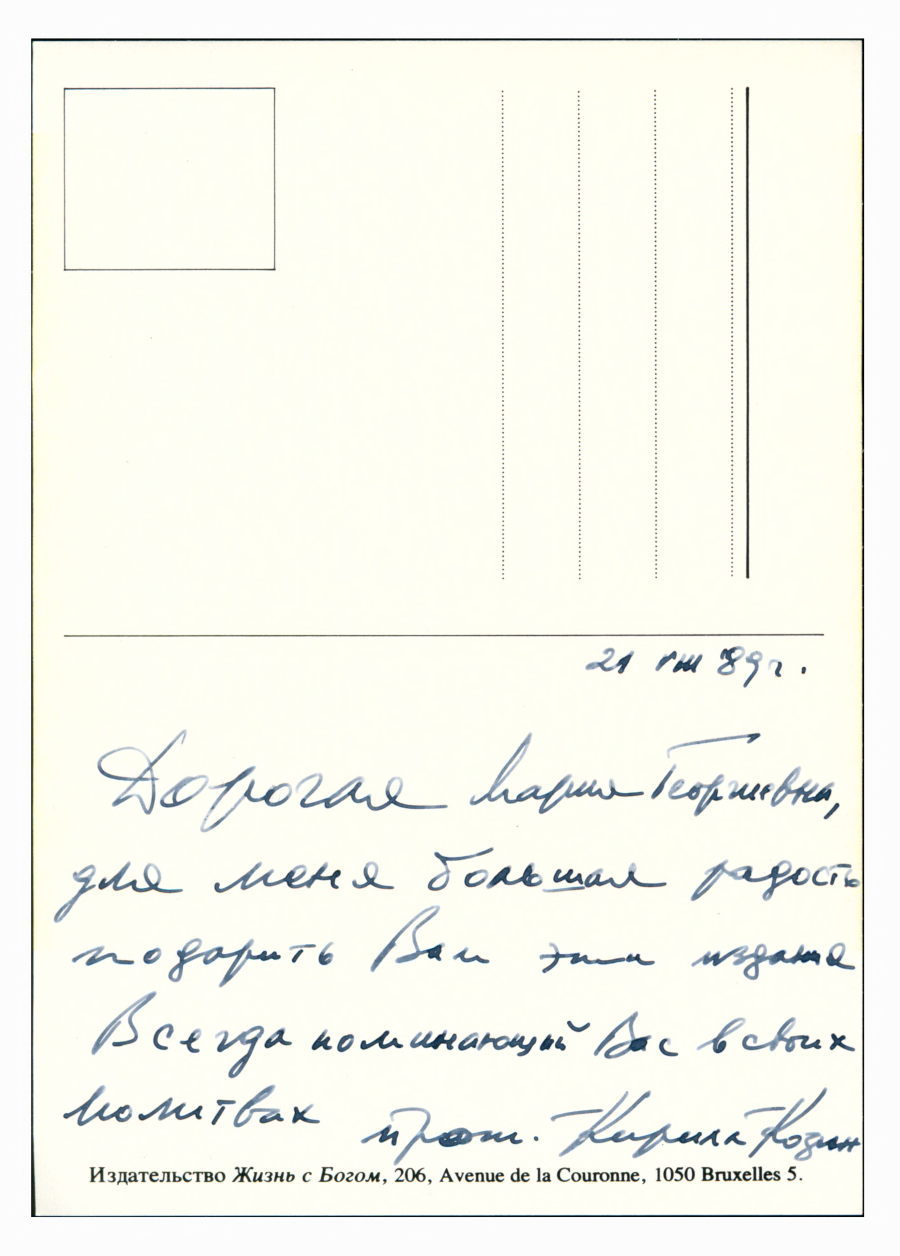

СЛАВА ТЕБЕ, ПОКАЗАВШЕМУ НАМ СВЕТ!

988 ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ КРЕЩЕНИЯ РУСИ 1988

Днесь, благовернии людие, светло празднуем, осеняеми Твоим, Богомати, пришествием, и ко Твоему взирающе пречистому образу, умильно глаголем: покрый нас честным Твоим покровом и избави нас от всякаго зла, молящи Сына Твоего, Христа Бога нашего, спасти души наша.

21 VIII 89 г.

Дорогая Марія Георгиевна,
для меня большая радость
подарить Вам эти изданія.
Всегда поминающий Вас в своих
молитвах прот. Кирилл Козин

Издательство *Жизнь с Богом*, 206, Avenue de la Couronne, 1050 Bruxelles 5.